

Мамытов Т.Б.

ТОРА ЖАНА АНЫ ЧЕЧМЕЛӨӨ

Мамытов Т.Б.

ТОРА И ЕЕ ТОЛКОВАНИЕ

T.B. Mamytov

TORAH AND ITS INTERPRETATION

УДК: 373.167.1:296

Макалада каада-салттын мааниси жана ролу ачыкталат, ал салттын жашоонун бардык жагына сүзгүп кыриши традиционалист үчүн Кудайдын бар экендиги тууралуу түздөн-түз сезүүнү жаратат. Адамзаттын жүрүм-туруму бул дүйнөнү түзүп турат. Кудайдын осуяттары социалдык-диний жашоону да, жаратылыш жана тарыхый жашоону да жөнгө салууга багытталган.

Негизги сөздөр: Кудай, Тора, иудей, Библия, коом, мил, эл, Израиль, жыйынтык, азат, кайтуу.

В статье раскрываются значение и роль традиции, ее текущее проникновение во все грани жизни создают для традиционалиста ощущение непосредственного заветного присутствия Бога. Человеческие поступки формируют этот мир. Заповеди Бога призваны регулировать и социально-религиозную жизнь, и жизнь природы и истории.

Ключевые слова: Бог, Тора, иудей, Библия, община, язык, народ, Израиль, исход, освобождение, возвращение.

The article reveals the importance and role of tradition, its fluid penetration into all facets of life create for the traditionalist a sense of immediacy cherished the presence of God. Human actions shape the world. The commandments of God are to regulate and social and religious life, and the life of nature and history.

Key words: God, Torah, Jew, Bible, community, language, people, Israel, Exodus, liberation, return.

Можно видеть, что иудейский «монотеизм Завета» носит ярко выраженный регулирующий, легалистический характер. Все строго регламентируется поучениями и заповедями Торы: пища, личные отношения, работа и многое другое. В самом деле, то, о чем не сказано прямо в Торе, при помощи многовековых толкований и интерпретаций выводилось из нее или связывалось с ней. Таким образом, в иудаизме три пересекающиеся структуры авторитета – Бог, Тора и толкования Торы учеными мудрецами. Теоретически каждая из них существует автономно, но на самом деле они динамически соотносятся между собой. Так, хотя и считается, что Бог выражает свою волю через Тору на все времена, но существуют также и мудрецы, которые толкуют ее каждый раз в соответствии

с исторической ситуацией. Эта мысль, конечно, самая главная в талмудической легенде о Моисее и Акибе. Можно сказать, что эта идеология энергично осуждает призыв к божественному вмешательству в порядок вещей для разрешения легалистических споров. Объяснение этому то, что «Тора не на небесах», т.е. Тора и ее дальнейшее применение даны народу Израиля и божественное чудо не может превзойти логику человеческих интерпретаций.

Конечным результатом конвергенции основных структур авторитета – Бога, Торы и ее интерпретаций – является традиция, сама по себе структура авторитета и религиозная реальность первостепенного значения. С одной стороны, традиция воплощает обобщенные легалистические и теологические учения мудрецов в книгах, несущих ореол святости. Но, с другой стороны, традиция включает в себя множество связанных с обычаем верований и обрядов иудеев всех времен, хотя и со специфическим отношением к чертам, характерным для культуры иудейской общины в тот или иной период. Так же как и книги раввинов, эти обычаи овеяны священной религиозной аурой, ибо считается, что они порождены живым иудейским благочестием, корнями своими уходящим в Библию. Такие обычаи включают в себя то, что древние иудейские авторы называли «традицией предков», многие из которых были окончательно оправданы путем соотнесения их при помощи различных интерпретаций с местами из Библии, а также со всем разнообразием народного и местного колорита в выполнении легалистических обрядов, который пропитывал собой атмосферу иудейской жизни, воздействуя на стили и вкусы, кухню и одежду, языки представления.

Колоссальный размах традиции, ее текущее проникновение во все грани жизни создают для традиционалиста любого времени не что иное, как ощущение непосредственного заветного присутствия Бога. Древнее теологическое изречение «Нет места, лишнего Бога» с большим основанием может быть применено к традиции и с точки зрения всепроникающего

ее размаха, и с точки зрения ее функционального характера как знака божественной реальности в жизни иудея. В истории иудаизма, когда предписания священной Торы сохранялись и распространялись на различных уровнях традиции (толкование и обычай), традиция сама стала священной. В результате она сама в свою очередь обогащалась множеством новых уровней интерпретации и авторитетного обычая. В течение столетий для евреев этот комплекс жизненных парадигм вращался вокруг Торы и был верным путем к Богу, потому что он был традиционным путем. Некоторые считали, что только через традиционный образ жизни может быть выражена воля Бога, то есть признавали традицию абсолютной духовной ценностью. Другие иудеи критиковали эту тенденцию и предостерегали верующих, что традиция – не окончательная цель, но лишь путь к праведности.

Иудаизм представляет собой «монотеизм Завета» и определяющими в нем являются понятия Бога, Израиля (народа), Торы и толкования. Эти определяющие органически взаимодействуют на продолжении всей истории религии, оказывая стабилизирующее влияние на духовную жизнь и порождая ее новые формы. Так как эти определяющие понятия имеют собственную историю развития на протяжении долгой жизни иудаизма, значение и смысл их претерпевали некоторые изменения, что приводило в результате к новой ценностной иерархии этих понятий и порождало новые модели их взаимовлияния. Так, было переосмыслено понимание Бога и его отношение к Торе, или, например, понимание Торы и ее отношение к толкованию и народу Израиля становились предметом ожесточенных споров в истории иудаизма.

Такая модификация и ресинтез сущностных учений служили для регенерации феномена иудаизма на протяжении двадцати пяти столетий. Воистину постоянное ощущение своей исключительной судьбы и своего исключительного пути и в то же время удивительная гибкость вот что помогало религии адаптироваться в новых исторических условиях и трансформировать их в аутентичное проявление иудейской жизни и веры.

В тот или иной исторический период под влиянием соответствующих условий какой-то определенный аспект мировоззрения получает наибольшее развитие или наиболее четкое выражение, хотя гораздо чаще различные верования и символы, характерные для этого мировоззрения, перемешиваются с системой ритуалов и ценностей, образуя тем самым плотную культурную ткань. В самом деле, когда религия действительно выполняет свою культурную роль, ее мировоззрение всегда опирается на личностный и межличностный уровни, что проявляется как на примерах людей, далеких от религии, часто не способных воспринимать и разделять религиозные ценности и верования, так и на примерах признанных учителей и религиозных мыслителей.

В течение всей истории иудаизма идеи и ценности, составлявшие его суть, никогда не оставались

абсолютно застывшими, поэтому важно обратить внимание на их историческое развитие и изменение. Кроме того, иудаизм никогда не представлял собой единой культурной системы, поэтому также важно будет обратить внимание на историческое разнообразие иудаизма.

История иудаизма начинается с Библии и ее религиозно-литературного наследия, потому что 24 книги Ветхого Завета являются не только литературной антологией, связанной с религиозной и культурной жизнью древнего Израиля, но составляют для иудаизма и иудеев основное религиозное свидетельство, основной религиозный текст, который, по их убеждению, содержит откровения, данные в древности Богом народу Израиля. Библия тем не менее не есть некий «Ветхий Завет», чьи исторические свидетельства и религиозные поучения потеряли впоследствии (полностью или частично) свою актуальность. Напротив, Библия остается для иудеев книгой авторитетного учения и исторической памяти, трудом, правильная интерпретация которого конституирует и освящает повседневный образ жизни иудея.

Когда обращаемся к Библии как к основному религиозному тексту иудаизма, необходимо рассмотреть по крайней мере два важных момента. Первый момент исторический, коренящийся в том факте, что иудаизм всегда утверждал, будто его начала находятся в Библии. Такое понимание имеет несколько связанных друг с другом аспектов. Во-первых, евреи всегда смотрели на библейских персонажей как на своих предков, а на события, излагаемые в Библии, – как на собственную историю. Во-вторых, евреи всегда считали, что завет между Богом и древними израильянами является основой их собственного религиозного долга. И наконец, к глубокой древности восходит убеждение, что не существует никакого разрыва между религией древних израильян и иудаизмом.

Второй момент, относящийся к Библии как к основному религиозному тексту, – идеологический. Он коренится в том факте, что данный текст всегда рассматривался как главный источник иудаизма. Последнее обстоятельство также имеет несколько связанных друг с другом аспектов. Во-первых, евреи всегда считали верования и заповеди, заключенные в Библии, неразрывно связанными с иудаизмом, что не мешало, однако, их глубоким и разнообразным интерпретациям. Во-вторых, предписания и установления, содержащиеся в этом тексте, рассматривались в качестве должной модели ежедневного образа жизни иудея. Наконец, основным догматом раввинистического иудаизма еще в глубокой древности стал догмат о том, что все черты иудаизма своим последним источником имеют Тору. В самом деле, доказательство прямого происхождения из Библии стало насущной задачей любых иудейских интерпретаций, стремящихся оставаться в рамках традиции.

Так как в своем нынешнем биде иудаизм всеми корнями уходит в Библию. Он унаследовал обширную антологию текстов, охватывающих по времени

создания около тысячелетия или более, начиная с патриархов-кочевников и кончая эпохой сопротивления эллинизму. Эти тексты содержат в себе эпические описания исхода из египетского плена, завоевания и обоснования в земле Ханаана. Они перечисляют царские дворы и святыни, приводят моральные поучения и воззвания пророков, практические советы и умозрительную мудрость, описывают религиозные ритуалы, гражданское право и многое другое.

Библия начинается с рассказа о сотворении мира всемогущим Богом [1, с. 1]. Не зависящий ни от богов, ни от природы, этот Бог создал прекрасный и щедрый мир, а заботу о нем препоручил человеку. Вначале мир, будучи творением благого Бога, находился в гармонии с человеком. Не нужно было отвергать материальную сторону мира, для того чтобы постичь божественную милость, ибо эта милость была разлита во всем творении сама по себе – в человеке, названном в Библии словосочетанием «очень хорошо», и в окружающей его природе, названной словом «хорошо». И только вследствие нарушения людьми божественных заповедей в этот мир пришли боль, смерть, нужда. Однако люди, созданные по образцу и подобию Божьему [2, с. 1-2], свободны в своем подчинении или неподчинении Богу, и они сами и их потомки будут испытывать на себе последствия своих поступков. Бог же является моральным судьей для них, он внимательно следит за человеческими поступками и воздает за них должное. Эти элементы библейского мировоззрения принимают новые формы, когда центр тяжести повествования перемещается от человечества в целом к маленькой группе людей, затерянной среди племен и языков, – к евреям. Рассказ об этом начинается с великих предков народа (Абрагима, Исаака и Иакова), о их верности божественным заповедям и об обещании Бога национального благоденствия на родной земле, земле Ханаана, позже названной землей Израиля. Это обещание Бога об историческом национальном благоденствии было древним заветом, обновленным и расширенным столетиями позже вместе со всем народом. На горе Синай, после божественного спасения из египетского плена, народ по доброй воле подчинился заповедям и обещаниям, данным Богом и древние израильтяне признали заботу Бога и обратились в веру в Него Одного [3, с. 79]. Условия договора, описываемого в Торе, конституировали религиозный союз между людьми и их Богом. Подчинение божественным заповедям обеспечивало народу мир и благоденствие на родной земле под управлением справедливого царя. Неподчинение, вследствие греха, приводило к бедствиям и гибели, изгнаниям и потрясениям. Однако Бог всегда внимательно следит за каждым моментом жизни Израиля, чтобы в соответствии с ней судить его. Божественный договор являлся универсальным и с точки зрения житейского смысла, ибо он включал в себя множество предписаний, охватывающих все детали жизни (мораль, гражданское устройство, религию), и с точки зрения веры, ибо он давал возможность народу почувствовать и испол-

нить божественную волю. Наличие договора превращало весь мир и все происходящее в нем в свидетельство божественного участия. Поэтому история, по Библии, не была бессмысленным нагромождением событий, а природа – слепой силой. Напротив, и то и другое становилось орудием и судом в руках Бога. С точки зрения библейской религиозной идеологии возвышение и падение наций, природные явления и т. д. всегда являлись реакцией Бога на те или иные поступки Израиля. И даже аргументы Иова не опровергают до конца эти взгляды на мир и человеческую судьбу.

По Библии, человеческие поступки формируют этот мир. Они являются тем спасением, которое здесь может быть достигнуто, – мир и блаженство для нации, изобилие и семья для отдельного человека. Заповеди призваны регулировать и социально-религиозную жизнь, и жизнь природы и истории, все это по воле и решению Бога. Вследствие этого ни в природе, ни в жизни людей никогда не было ничего законченного. Мир всегда обновлялся благодаря благочестию и раскаянию, однако он же погружался в пучину бедствий и отчаяние вследствие самоуверенности и греха. Знание того, что нужно делать для спасения, знание последствий своих поступков дает религии древних израильтян ее публичный, экзотерический характер. Нет никаких секретных сведений о чем-нибудь важном для человека, доступ к которым был бы закрыт для человеческого мира, как нет никаких секретных знаний, необходимых для спасения, получить которые можно было бы только путем мистерий. То, что нужно для благочестия и спасения, дано Богом всем. «Сокровенное – это Господу Богу нашему, открытое – нам и детям нашим навечно, чтобы исполнять все слова учения сего» [4, с. 78].

Народ Израиля был призван для служения Господу и дома, будучи объединенным вокруг Храма, и в изгнании. Это служение несет в себе две задачи: с одной стороны, сохранение собственной святости, с другой – выполнение функции религиозного свидетельства и примера для окружающего мира, ибо, если во времена греха и непослушания народ Израиля наказывается посредством природы и других народов мира, то во времена раскаяния и послушания Израиль станет центром надежды и милости, к которому обратятся все народы земли. Таким образом, Надежда истории заключается в конечном обновлении и объединении всех народов земли, которое несет в себе принятие учения и веры в справедливого и всемогущего Бога. Это будет временем всеобщего примирения, когда жатва будет опережать сев, когда меч будет перекован на орало, когда все народы придут к Храму. Несмотря на боль и страдания, эта библейская надежда передавалась от одного поколения к другому и жива до сих пор.

Ветхий Завет является книгой национальной памяти и надежды, книгой разъяснений и предписаний, заповедей и заветов, смирения в вере и восстаний, чудесных спасений и роковых бедствий. Как события истории, великие освобождения, описываемые в

Библии [5, с. 79], были событиями, однажды произошедшими во времени. Как факты исторической памяти, эти решающие моменты служат примерами надежды во времена кризисов. И как первый исход толковался пророками в качестве символа будущего освобождения от рабства, точно так же первое возвращение на Землю Обетованную символизирует собой будущее возвращение всей нации на свою древнюю родину. Иначе говоря, рассказ о Моисее является не только откровением о далеком прошлом, но и образцом для иных времен, иных обстоятельств. Библейские традиции поддерживали народ из поколения в поколение, давая ему, с одной стороны, историческое самосознание и возможность самоидентификации, а с другой – образцы богочеловеческих и межчеловеческих отношений. Собранные вместе, эти разнообразные традиции образовали единую ткань. Никакое действие или надежда, правило или праздник были немислимы в отрыве от нее. Неизбежным результатом, осуществившимся в последующие века, явилось авторитетное соединение этих традиций в одном зафиксированном тексте – Библии. С этого времени, говоря словами средневековой пословицы, Израиль и Тора стали одним и тем же.

Традиционные нормы древнего Израиля принимают новые формы после событий 587-586 гг. до н.э., когда Иудея и Иерусалим были разрушены Навуходоносором, царем вавилонским. С этого времени множество израильтян оказываются в изгнании. В последующие века основные центры еврейского рассеяния находились в Александрии (Египет) и Вавилоне (территория современного Ирака), кроме того, центром еврейской жизни оставалась Иудея. Наличие этих трех центров приводило к смешению и взаимному влиянию сформировавшихся в каждом из них традиций.

В течение трех веков, со времен Александра Македонского (356-323 гг. до н.э.) до начала II в. н.э., земля Израиля и Александрия играют ведущую роль в истории евреев и иудаизма. В последующем Палестина продолжала считаться религиозным центром, однако под давлением римской гегемонии система образования в этом регионе постепенно уступает место системе образования, получившей развитие в Вавилоне. Это смещение на восток весьма знаменательно не только из-за возникновения нового крупного центра культурной жизни, но и потому, что это смещение говорит о целом ряде изменений в тогдашних религиозных воззрениях иудеев, что мы увидим позже.

Еврейские литературные источники, в большом изобилии появляющиеся со II в. до н.э., ясно говорят о значительной религиозной активности данного периода. Следует отметить одно немаловажное обстоятельство: евреи Египта, Израиля и Сирии находились под управлением различных греческих администраций (Птоломеи на юге, Селевкиды на севере), что отразилось на общественной и экономической жизни евреев. Кроме того, евреи и иудаизм находились под мощным влиянием эллинизма. Значение последнего в

формировании иудаизма следующих столетий трудно переоценить.

Среди тех, кто стремился к позитивной реакции на эллинизм, самым значительным деятелем являлся Филон Александрийский (20 г. до н.э. - 50 г. н.э.). Как еврей он был предан древней Торе, соблюдению ее заповедей, изучению их раввинистических осмыслений. Как эллин он разделял тогдашние греческие учения и идеалы. Отказываясь одно ставить после другого, он рассматривал заповеди Торы как главные ценности и истины. С другой стороны, он решительно отказывался оценивать путь философии как второстепенный и лишенный всякой ценности. Его решением было объединение греческой традиции (Платон, Аристотель и стоики) с традицией Торы (учение Моисея и раввинов). Под этим углом зрения божественная правда Торы представлялась не только эквивалентом философской мудрости, но и тем, что содержит ее. Поэтому еврею нет никакой необходимости отвергать Тору для того, чтобы принять философию, ибо все истины философии находятся в Торе, причем в более совершенном виде, нужно только уметь видеть их. Филон является первым религиозным философом Запада, первым великим мыслителем, попытавшимся соединить философскую мудрость с божественным откровением. В разнообразном и влекущем окружении Александрии евреи смогли сохранить свои обычаи и образ жизни, а также гордость за глубокую философию своего древнего наследия.

Противовесом интеллектуальному синкретизму Филона выступал сравнительно грубый религиозный синкретизм значительной части священничества и аристократии в Иерусалиме. Эти евреи при помощи взяток и подкупа надеялись осуществить изменения в гражданской и религиозной жизни Иерусалима и вступая в тайные сношения с Селевкидами, они добивались издания декретов администрации, направленных против традиционных устоев. Эллинизация иудаизма, по мысли этой части жречества и их последователей, должна была превратить иудаизм в один из «философских» культов греческого мира. Однако большинство евреев усмотрели в подобном развитии событий серьезную угрозу своей национальной и религиозной самобытности; реакция на них была соответствующей.

Другим типом реакции внутри иудаизма на окружающий мир была попытка обновления религии, приспособления ее к окружающему миру. Учение фарисеев (важнейшее религиозное Направление того времени), приспособлявая национальные традиции к новым формам либо вовсе отвергая их, должно было согласовать ненациональные черты с традициями Торы, «натурализовать» их, что и происходило.

Отличительной чертой раннего фарисейства явилось возникновение идеи благочестия, основанного на Торе и открытого для всего человечества. В самом деле, ранние легенды и исторические фрагменты, связанные с деятельностью учителей-фарисеев, показывают возникновение нового типа религиозного лидера – «ученика мудрости», который не был ни

священником, ни святым, но самостоятельным толкователем Закона, который достигал величия благодаря знанию тайн писанной Торы и древней устной традиции. Поэтому изучение Торы и простота в поведении оставались высокими идеалами этих «учеников», которые утверждали, что следование учению доступно каждому, кто захочет изучать и выполнять его предписания. Первоначально древняя устная традиция фарисеев не была освящена исключительно авторитетом основного духовного пути, но опиралась также на свой собственный авторитет. Постепенно необходимая преемственность с Торой была достигнута, так что к концу I в. н. э. фарисейство характеризуется убеждением, что его устная традиция и интерпретация Писания являются истинным его пониманием и что Писание свои начала берет именно в этих традициях.

Теперь Тора становится абсолютным центром фарисейства. Все содержится в ней – как в писанной

Торе, так и в устной традиции мудрецов, – и открытие новых сторон в Торе трактовалось как постепенно историческое осмысление новых сторон божественно беспредельного мира. Соответственно в иудаизме фарисеев, что является отличительной чертой и того иудаизма, который дошел до наших дней, процесс обучения есть одна из главных форм благочестия.

Литература:

1. Библия. США. 1998. Первая книга Моисеева. «Бытие». Глава 1. п.1. с.1.
2. Библия. США. 1998. Первая книга Моисеева. «Исход». Глава 1. п.27-28. с.2.
3. Библия. США. 1998. Первая книга Моисеева. «Исход». Глава 20. п.1-25. с.79.
4. Библия. США. 1998. Первая книга Моисеева. «Исход». Глава 19. п.5-6. с.78.
5. Библия. США. 1998. Первая книга Моисеева. «Исход». Глава 20. п.1-25. с.79.

Рецензент: д.филос.н. и д.полит.н., профессор Артыкбаев М.Т.